

ИППОЛИТ

Перевёл с древнегреческого Вланес

АФРОДИТА

И в племенах людей, и в глубине лазури
зовусь я славною, бессмертною Кипридой.
Понтийских жителей и тех, кто обитает
вблизи Атласских гор под светлым оком солнца,
дарю я милостью, ко мне почтенье видя,
но укрощаю тех, кто горделив со мною!
И небожителей охватывает радость,
когда относятся к ним люди с уваженьем.
Сейчас я покажу, насколько это верно.
Меня Тесеев сын, рождённый амазонкой,
безусый Ипполит, внук чистого Питфея,
один-единственный из всех трезенских граждан,
дерзает называть сквернейшею богиней!
Он отвергает брак и презирает близость,
а Фебову сестру, дочь Зевса, Артемиду,
считает больше всех достойной почитанья.
В зелёные леса он убегает к деве
и там, травя зверей стремительными псами,
проводит время с ней, затмившей смертных женщин!
Я не завидую. С чего мне возмущаться?
Но я оскорблена презреньем Ипполита,
и я обидчика сегодня покараю!
Я подготовилась, и дело будет лёгким.
Когда он приходил, покинув дом Питфея,
смотреть на празднества торжественных мистерий
в стране Пандиона, то благородной Федре,
жене его отца, он сильно тронул сердце
любовью пламенной, по моему желанью.
Ещё не возвратясь в трезенские владенья,
она поставила у самых скал Паллады,
напротив этих мест, изящный храм Киприде,
чтоб иноземную любовь свою прославить,
и храм тот назовут «святыней Ипполита».
Теперь, когда Тесей край Кéкропа покинул,
имея на себе кровь мёртвых Паллантидов,
и, взяв свою жену, сюда приехал морем,
намерен отбывать изгнанье годовое,
жена несчастная, исколота нещадно
стрекалами любви, молчит и погибает,
и про её недуг никто не знает в доме.
Однако та любовь закончится иначе.
Тесей узнаёт всё. Я всё ему раскрою!
Враждебного юнца проклятьями погубит
его родной отец, ведь Посейдон, бог моря,
Тесею обещал исполнить три молитвы.

А Федра, сохранив свой облик непорочным,
погибнет всё равно. Не так её мне жалко,
чтоб отказалась я врагов моих заставить
мне сердце ублажить страданиями своими.
Но приближается, похоже, сын Тесеев,
уже окончивший тяжёлый труд охоты.
Да, это Ипполит. Пора мне удалиться.
Спешит за ним толпа прислужников, ликуя
и славя гимнами богиню Артемиду.
Ещё не знает он, что перед ним раскрыты
Аидовы врата, что этот день – последний.

ИППОЛИТ

За мною! С песней! За мною!
Зевса небесную дочь
мы воспоём, Артемиду!

ИПШ. И СЛУГИ

Госпожа! Госпожа! Цвет божества!
Зевсово дитя!
Слава! Слава! Латоны дочь,
Артемиды! Кровь Зевсова!
Ты прекрасней всех девушек!
Дом тебе – простор небес,
кров отца благославного,
золотое жилище Зевса!
Радуйся, прекраснейшая
среди всех олимпийцев!

Ип. Моя владычица! Я с девственного луга
несу тебе венок, создание рук моих!
Там ни один пастух кормить не смеет стадо,
и серп там не бывал! Над чистою травой
усердная пчела весною пролетает,
и там Почтение поит речной водой
того, кто не учён, однако от природы
свой разум приобрёл! Он знание всех вещей
срывает, как цветы, запретные злодеям!
Благая госпожа, ты золото волос
украшь повязкою, моим смиренным даром!
Имею право я, один из всех людей,
с тобою пребывать, обмениваться речью
и слышать голос твой, пусть и не видя глаз!
Да будет смерть моя такой же, как рожденье!

СЛУГА

Благой наш господин! (Приветствовать пристало
хозяев, как богов.) Совет хороший примешь?

Ип. Приму! А то меня вы не сочтёте умным!

Сл. Ты знаешь про закон, положенный всем людям?

Ип. Не знаю. Ты о чём? Что следует нам делать?
 Сл. От общего врага, гордыни, отвращаться.
 Ип. Вот это правильно! Какой гордец не гадок?
 Сл. А дух смирения, выходит, благотворен?
 Ип. Да! Дело малое, а выгода большая!
 Сл. Считаешь, и к богам относится всё это?
 Ип. Ну да! Мы и живём по божеским законам!
 Сл. Зачем же ты молчишь пред гордою богиней?
 Ип. Какой? Поберегись! Не согреси устами!
 Сл. Вот этой, у ворот стоящую Кипридой!
 Ип. Я девственник ещё. Я издали молюсь ей.
 Сл. Она весьма горда и чтима среди смертных.
 Ип. На смертных и богов нет общих предпочтений.
 Сл. Будь счастлив, господин! Пусть ум в тебе созреет!
 Ип. Я не люблю богов, которым служат ночью.
 Сл. Но каждый бог, дитя, с нас требует почтения!
 Ип. Ступайте, слуги, в дом! Готовьте пир скорее,
 несите кушанья! Приятно после ловли
 за стол обильный сесть! Вам нужно и скребницей
 почистить лошадей. Когда наемся вдоволь,
 поупражняю их немного в колеснице!
 Киприде же твоей желаю я удачи!

Сл. Незрелым юношам я подражать не буду
 в их рассуждениях, но, как рабу прилично,
 пред статуей твоей скажу слова молитвы.
 Киприда, госпожа! Умей прощать нечестье!
 Когда же юноша со слишком пылким сердцем
 болтает всякий вздор, безумца ты не слушай,
 да будут божества благоразумней смертных!

ХОР

Знаю скалу. Океан течёт, говорят, сквозь неё,
 наполняя кувшины чистым, густым струеньем.
 Там подруга мыла ткань
 ярко-красную
 ключевой водой,
 клала её на разогретый солнцем
 каменный круп. Я лишь там о речах
 моей госпожи услышала.

Чахнет она, на одре болезни в покоях лежит,
 тонкий плащ затеняет локоны золотые.
 Третий день уже пошёл,
 как не ест она,
 телом чистая,
 зерно Деметры не желая трогать
 в тайной тоске, чтобы к смерти пристать,
 последнему берегу чёрному.
 Милая, что за бог в тебе?
 Пан с Гекатой ум твой пьянят?

Корибанты надменные?
 Может, горная мать?
 Чахнешь ли ты оттого,
 что жертвенного пирога
 для многозверной Диктίνны не сделала?
 Ведь и по Лимнам она
 бродит, и по кручам песка
 в кружащейся морской пене!

Может быть, славный твой супруг,
 предводитель Эрехтейд,
 в доме ласкою опоён
 от жены своей втайне?
 Может быть, с Крита моряк
 на судне пришёл и привёз
 в гостеприимнейший порт весть недобрую,
 так что царица теперь
 плачет, и в постели лежит,
 и мается душой скорбной?

В природе женщин, в этом тягостном клубке,
 любит беспомощность жить,
 дочь несчастья и мук родильных,
 полная и метаний, и зла.
 Этот ветер прошёл и сквозь чрево моё,
 но к небесной помощнице я воззвала,
 Артемиде, хранящей дерзание стрел,
 а она всегда на звук молений многих
 волею богов приходит!
 Вот кормилица старая вышла
 из ворот, провожая царицу.
 Брови бедной, как тучи, темнеют!
 Сердце просит узнать, что случилось,
 от каких скорбей
 цвет лица её так изменился!

КОРМИЛИЦА

Беды смертных! Постылые хвори!
 Что мне делать, скажи? Что не делать?
 Вот и солнце, и синь золотая!
 Одр болезни на волю выносят
 из покоев дворца!
 Так хотела сюда ты явиться,
 а теперь запросилась обратно!
 Всё ворчишь, ничему ты не рада
 Своего не желаешь, а жаждешь
 недоступных вещей!
 Лучше хворь, чем уход за больными!
 Быть больною так просто, а это
 и рукам, и уму наказанье!

Жизнь людская – сплошное мученье,
и конца этой пытке не видно!
Всё, что нужно ценить больше жизни,
непроглядным покрыто туманом.
Мы так сильно прикованы к блеску
преходящих вещей, потому что
мы не знаем, что будет за гробом,
не дано заглянуть нам под землю,
вот и множим пустые рассказы!

ФЕДРА

Эй, поднять меня! Голову прямо!
Всё роскошное тело распалось!
К вам тяну я прекрасные руки!
Ах, служанки! Как давит повязка!
Прочь её! Бросьте кудри на плечи!

Корм.

Замолчи, успокойся! Не надо
так метаться, дитя!

Эту хворь перетерпишь ты легче
в благородном бездействии духа.

Всем нам, смертным, приходится тяжко.

Фед.

Ай-ай!

Как хотелось бы чистой водицы
из ручья полнозвучного выпить
и забыться под тополем чёрным,
на лугу шелестящем, кудрявом!

Корм.

Что ты плачешь, дитя?

Не болтай ты такого на людях,
не чекань полоумные речи!

Фед.

В горы, в лес вы меня унесите,
в гущу сосен, где стаи собачьи,
жаждой крови горя,
настигают пятнистых оленей!

Ради бога! Собак натравляя,
над копною кудрей золотистых
я взмахну острожалым и метким
фессалийским копьём!

Корм.

Ты зачем так волнуешься, дочка?

Для чего тебе эта охота?

Что за страсть к родникам резвоструйным?

Рядом с башнями есть у нас речка,
подойди да и пей, сколько хочешь!

Федр.

Артемида, царящая в Лимнах
и гимнасиях, гулких конями,
быть бы мне на полях твоих вольных,
лошадей объезжая венетских!

Корм.

Что за речи, лишённые смысла?

То ты в горы бежишь, на охоту,
а теперь и коней подавайте
на песке, не промытом волнами!

- Нам гадатель испытанный нужен,
 чтобы выведать, кто из бессмертных
 ум твой ранит и путает, дочка!
 Фед. Чем я, бедная, так провинилась?
 Где утратила здравый рассудок?
 В сумасшествие вверг меня демон!
 Горе горькое мне!
 Брось вуаль мне на голову, няня!
 Я стыжусь этих глупых желаний!
 Накрывай мне глаза поскорее,
 где и стыд набухает, и слёзы!
 Ум блудящий пришпоривать больно,
 а отдаться безумью преступно.
 Лучше просто погибнуть, без мыслей!
 Корм. Вот накидка. Ох, скоро ль накроет
 смерть и тело моё?
 Жизнь меня поучила немало.
 Людям нужно умеривать пылкость
 и спокойно сливаться друг с другом,
 сердцевины души не тревожа.
 Нужно знать, как любовные связи
 распускать и завязывать снова.
 Тяжело мне одной изнуряться,
 боль двух душ на себя принимая,
 как мне жалко её!
 Говорят, несгибаемость духа
 нам вредит и не дарит отрады,
 жёсткий ум со здоровьем враждует.
 Оттого и хвалю я не крайность,
 но лишь меру во всём.
 Кто умён, тот со мной согласится.
- Хор Старуха дряхлая! Кормилица, послушай!
 Мы видим злой удел царицы этой, Федры,
 но непонятен нам исток её недуга.
 Нам так хотелось бы узнать об этом больше!
 Корм. Бог весть! Она со мной не хочет объясняться!
 Хор Не хочет и сказать, когда пришло несчастье?
 Корм. И ты, и я в тени. Она молчит об этом.
 Хор Как высохла она! Истощена, разбита!
 Корм. Не удивительно! Три дня во рту ни крошки!
 Хор Она с ума сошла? Убить себя желает?
 Корм. Убить, ты говоришь? Без пищи точно сгинет!
 Хор Какие чудеса! И муж всё это терпит?
 Корм. Она не говорит ни слова о болезни!
 Хор А сам он по лицу не может догадаться?
 Корм. Его тут вовсе нет. Он в край чужой поехал.
 Хор А если надавить? Так, может, и узнаешь,
 и чем она больна, и где умом витает!
 Корм. Я всё уж делала, и никакого толку!

Но я усердия ослабить не желаю,
 а ты на всё смотри! Свидетельницей будешь
 того, как я верна своей хозяйке бедной!
 Дитя любимое, давай же позабудем,
 что нами сказано! Ты озарись немного,
 разгладь комок бровей, расправь дорогу мыслей!
 Хоть следовала я нетвёрдо за тобою,
 теперь исправлюсь я, найду слова получше!
 И если ты больна заornoю болезнью,
 вот эти женщины лечить её помогут!
 Но если знать о ней дозволено мужчинам,
 то смело говори! Врачи тобой займутся!
 Ну что же ты молчишь? Ты, доченька, не кисни!
 Сказала глупость я? Тогда поспорь со мною!
 А если я права, то речь мою одобри!
 Ответь хоть что-нибудь! Взгляни сюда! Вот горе!
 Напрасно, женщины, мы так себя изводим,
 на месте топчемся! Она была и раньше
 глуха к моим словам, такой же и осталась.
 Но это ты услышь, а после будь строптивей
 хоть моря самого! Своих детей предашь ты!
 При мёртвой матери не будет им наследства,
 я в том тебе клянусь жестокой амазонкой,
 владычицей коней, родившей этим детям
 царя внебрачного! А мнит себя законным
 твой Ипполит... Федр. Ой-ой! Корм. Тебя задело это?

Федр. Меня убила ты! Молю богами, няня,
 молчи, не говори об этом человеке!

Корм. Вот видишь? Разум есть, хотя и не охоты
 ни детям помогать, ни на земле остаться!

Федр. Детей люблю я, но... Меня уносит бурей!

Корм. Чиста ли, доченька, рука твоя от крови?

Федр. Рука моя чиста, однако ум запятнан.

Корм. Неужто некий враг наслал дурные чары?

Федр. Нет, друг. Без умысла, без моего желанья!

Корм. Тесей, наверное, тебе плохое сделал?

Федр. Ах, только б я сама чудовищем не стала!

Корм. Что это за напасть? Зачем ты хочешь смерти?

Федр. Оставь меня грешить! Мой грех тебя не тронет!

Корм. Я волей не уйду! Гони меня – и гибни!

Федр. Ты что же делаешь? Зачем так давишь руку?

Корм. Я у колен твоих! Я никогда не встану!

Федр. Ты горя горького сама, бедняжка, просишь!

Корм. Что может быть страшней, чем не страдать с тобою?

Федр. Тогда погибнешь ты, а я стяжаю славу!

Корм. Зачем же прятаться, раз я молю о благе?

Федр. Я и хочу создать благое из дурного!

Корм. Тогда и речь твоя послужит большей чести!

Федр. О, ради всех богов! Уйди! Не жми так руку!

Корм. И не подумаю! Я ведь молю о даре!

Федр. Бери! Твоя мольба достойна уваженья.
 Корм. Теперь я помолчу, а слово за тобою!
 Федр. Ах, мать несчастная! Какой зажглась ты страстью!
 Корм. К быку, родимая? Об этом говоришь ты?
 Федр. И ты, сестра моя! Твой муж был сам Дионис!
 Корм. Ты что же, деточка? Родных своих злословишь?
 Федр. Злосчастлива, как они, я третьей погибаю!
 Корм. Я просто сражена! К чему ты слово клонишь?
 Федр. Бедой старинною я мучаюсь, не новой!
 Корм. Ничуть не ближе я к желанному известью!
 Федр. Ох!
 Корм. Сказала б ты сама, что я сказать не смею!
 Федр. Я не пророчица и скрытого не знаю!
 Корм. Ну? Что случается с влюблённым человеком?
 Федр. Отрада, деточка, разбавленная болью.
 Корм. Я говорю тебе, что чувствую второе.
 Федр. Да что ты, деточка! Ты любишь? И кого же?
 Корм. Как раз вот этого... из рода амазонки...
 Федр. Не Ипполита ли? Федр. Не я, но ты сказала!
 Корм. Ах, боже! Доченька! Меня ты погубила!
 Федр. Как это вынести? Как выдержать? Как дальше
 Корм. жить, женщины? О, мрак! О, темень вместо света!
 Федр. Я навзничь упаду! Дышать я перестану!
 Корм. На что мне эта жизнь? Прощайте! Я погибла!
 Федр. Как так? Иметь мозги, противиться душою –
 Корм. и страстно зла желать! Киприда не богиня,
 Федр. но нечто большее! Всех нас она сгубила,
 Корм. хозяйку, и меня, и весь наш дом несчастный!

Хор Видишь ли ты? Знаешь ли ты?
 Неслыханный стон
 царицы моей, страданья её?
 Погибнуть бы мне, родная, не став
 такой же, как ты! Ах, боже ты мой!
 Бедная! Как мучишься ты!
 Что за боль впивается в нас!
 Погибла ты! Явила ты всю боль на свет!
 Что будет с тобой? Что день этот даст?
 Случится беда с твоею семьёй!
 Уже намеренье Киприды не темно!
 Ах, критская дочь! Ах, что за напасть!

Федр. Трезенки милые, живущие на крайнем,
 далёком рубеже Пелоповой земли!
 Уже и ранее, в ночном пространстве топком
 я думала про смерть, губящую людей.
 Мне кажется, совсем не от изъяна мысли
 так людям не везёт, ведь некий разум есть
 у большинства из нас. Глядеть иначе надо.
 Мы знаем, где добро, но не готовы мы

добыть его трудом, одни от празднoлюбья,
другие от услад, затмивших путь к добру.
Да, в жизни нашей есть немало удовольствий:
беседы долгие, досуг (наш милый грех)
и две стыдливости. Одна из них благая,
другая рушит дом. Их разницу поняв,
мы не сложили бы из тех же букв два слова.
Я в том уверена. Выходит, нет нужды
те мысли вытравлять каким-нибудь лекарством,
чтоб свой изжитый ум в себе восстановить.
Я расскажу тебе о том, как рассуждала.
Эротом ранена, пыталась я понять,
как с этой раной жить. Сначала я хотела
замкнуться, замолчать и скрыть свою болезнь.
Нет правды в языке. Он гнётся, порицая
и с ловкостью клеймя грехи других людей,
но самому себе вредит намного больше.
Затем пыталась я, собрав себя в кулак,
благоразумием умерить безрассудство.
Когда же, наконец, я больше не могла
Киприду отгеснять, я умереть решила,
кто станет отрицать, что это лучший путь?
Не буду я в тени, когда свершаю благо,
не буду и грешить под взорами людей.
И дело, и болезнь закончатся бесславьем.
Я знаю ненависть, с которой пол мужской
разглядывает нас. Пусть та прелюбодейка,
что первой начала пускать чужих мужчин
на брачную постель, погибнет худшей смертью!
От благородных дам пришло к нам это зло!
Когда валяются в грязи аристократы,
то черни кажется, что грех весьма хорош.
Я ненавижу дам, под маскою приличья
творящих дерзкие, негодные дела!
Морская госпожа! Киприда! Как не тошно,
как не противно им в глаза мужьям смотреть,
от страха не дрожа, что мрак, что их сообщник,
что самый этот дом расскажут обо всём!
Вот эта мысль меня, подруги, убивает –
ни я, изменница, не буду под судом,
ни деточки мои! Пускай в свободе слова,
в привольном городе блаженствуют они,
в Афинах доблестных, род матери достойной!
Поработается и храбрый человек
сознанием того, что мать с отцом преступны.
Одно лишь, говорят, ценней, чем жизнь сама –
любовь к правдивости, а также честность мыслей.
Но время всё-таки мерзавца обличит,
внезапно перед ним, как перед юной девой,
поставив зеркало. Не стать бы мне такой!

Хор Конечно! Всем хорош дух здоровый и разумный,
и людям славу он, как сладкий плод, растит!

Корм. Едва я, госпожа, беду твою узнала,
мне сердце охватил невыносимый страх,
но я была глупа, и люди видят чище,
когда вторая мысль над первую блеснёт.
То, чем страдаешь ты, не так уж необычно.
Разгневалась, видать, богиня на тебя.
Ты любишь (вот уж новь!), как миллионы смертных,
и собственной душе погибелью грозишь?
Какая выгода в кого-нибудь влюбляться
и новой страсти ждать, когда не хочешь жить?
Киприду не сдержать. Рекою раздаваясь,
за ей покорными она течёт легко,
а тех, кого найдёт погрязшими в гордыне,
хватает и томит, сама ты знаешь, как.
И в чистых небесах Киприда проживает,
и в глубине морской, рождая всё вокруг.
Она и сеет жизнь, и зажигает страстью,
которая нас всех на землю привела.
Кто разбирается в стихах поэтов древних
и музам сам не чужд, тот знает хорошо
историю о том, как Зевс любил Семелу,
как Эос дивная Кефала унесла
в собрание богов, когда в него влюбилась.
И все они теперь живут на небесах
и не пытаются на эту землю прыгнуть,
но терпят, видимо, тиски своей судьбы.
А ты не выдержишь? Тебе иную долю
отец определил, спросив иных богов,
на случай, если ты закон людской отринешь?
А сколько, думаешь, разумнейших мужей
о связях жён своих не знать предпочитает?
А много ли отцов мешает сыновьям
с Кипридою блудить? Да, принято у смертных
всё нехорошее забвенью предавать.
Не нужно жизнь свою обтачивать сверх меры,
нет в мире даже крыш, лежащих на дом
безукоризненно. Затянутая в бездну,
как выплыть думаешь, с пучиною борясь?
Но если доброе в тебе сильнее злого,
ты будешь счастлива, как всякий человек.
Довольно, деточка! Оставь дурные мысли,
гордыню отмети, ведь это-то и есть
гордыня – полагать, что ты сильнее бессмертных!
Терпи свою любовь! Так хочет божество!
И если ты больна, с болезнью этой справишься!
Есть заклинания, волшебные слова,
ведь на любую хворь должно найтись лекарство!
Мужчины, может быть, и хромы головой,

- Хор однако женский ум и ловок, и увёртлив.
Да, Федра! Эта речь в такой беде намного
полезнее моей, но сердцем я с тобою.
Тебе, наверное, меня больше слушать,
чем эту женщину, и я хвалой лишь раню.
- Федр. Такие вот слова прекрасно-показные
уничтожают всё, и города, и страны!
Язык не для того, чтоб нежно уши гладить,
но чтобы дух вести к достоинству и славе!
- Корм. Что за патетика! Тебе мужчина нужен,
а вовсе не слова. Давай скорей обсудим,
без околичностей, что нам с тобою делать.
Когда бы жизнь твоя в тисках судьбы не гасла
и ты бы женщиной была благоразумной,
то я бы никогда толкать в постель чужую
не стала бы тебя! Но ныне дело плохо.
Спасая жизнь твою, ничем я не гнушаюсь.
- Федр. Ужасные слова! Закрой свой рот немедленно
и не произноси таких речей постыдных!
- Корм. Тебе постыдное теперь нужней святого,
и лучше действовать, от гибели спасаясь,
чем добрым именем кичиться, погибая!
- Федр. О, ради всех богов! Слова твои разумны,
но и дурны. Оставь! И так уже всё сердце
любовью взрылено, а если будешь славить
порок, то как спастись? Ведь он меня погубит!
- Корм. С такими мыслями на грех идти не стоит,
но если в грех вошла, то вот не худший выход.
Есть дома у меня целительный, волшебный
напиток от любви. Я вспомнила! Он может
без всякого стыда, не повредив рассудка,
унять твою болезнь, тут главное не трусить!
Нам нужно раздобыть с любимого мужчины
какой-нибудь предмет, лоскут одежды, локон,
и сделать два одним, и всем доставить радость.
- Федр. А это будет мазь? Какой-нибудь напиток?
- Корм. Не знаю, деточка. Нам лишь бы исцелиться.
- Федр. Боюсь, что для меня ты чересчур премудра!
- Корм. Всего боишься ты. Что так тебя пугает?
- Федр. Не выдавай меня наследнику Тесея!
- Корм. Ну, хватит, милая! Я скоро всё улажу.
Лишь ты, краса морей, бессмертная Киприда,
помощницей мне стань! Всё прочее я в доме
скажу моим друзьям, и этого довольно!
- Хор Эрот, Эрот, каплешь ты в глаза
желанием, счастьем изнуряешь
те души, с которыми воюешь!
На беду мою не появляйся,
не бывай чрезмерным,

ведь ни пламя, ни звёзды так не блещут жалами,
как Афродита, чьи стрелы своей рукой ведёт
Эрот, сын Зевёсов!

Зачем, зачем у реки Алфей,
у Фебовых, у пифийских кровель
Эллада кровь бычьёю льёт всё больше,
а Эроту, властелину смертных,
ключнику блаженных
Афродитиных комнат, мы не поклоняемся?
Ведь он всех губит, он смертным одну беду несёт,
когда прилетает!

Эхалийскую дочь,
без уздечки кобылку,
без мужа живущую и без венца,
от дома вмиг отпрягла
Эвритова, и безумною
наядою, вакханкою,
в кровь, и в дым, в кровавый брак
с Алкмениным сыном Киприда отдала!
О, горькая свадьба!

О, священный, тугой
обруч Фив, устье Дирки!
О нраве Киприды вы знаете всё!
За гром, объятый огнём,
мать Вакха, дважды рождённого,
богиня замуж выдала,
сном окутав роковым!
Она ведь ужасна, и дует на всех нас,
и вьётся пчелою!

Федр. Молчите, женщины! Я, кажется, погибла!
Хор Что, Федра, вновь стряслось? Беда под кровлей дома?
Федр. Тсс! Кто-то говорит! Молчите! Не мешайте!
Хор Молчу! Твои слова добра не предвещают!
Федр. Ах, боже! Ай-ай!
Ах, я несчастная! За что мне эти муки!
Хор Чего ты кричишь? О чём говоришь?
Что, женщина, так сразило тебя,
смutilo твой ум?
Федр. Всё, мне теперь конец! Иди к дверям скорее,
послушай этот шум! Какая буря в доме!
Хор Но ты у ворот! Сама объясни,
что в доме стряслось!
Скажи мне, скажи! Что там за беда?
Федр. Сын амазонки той, наездницы заядлой,
орёт, ругается, бранит мою служанку!
Хор Я слышу его, но слов не пойму!

Ты нам сообщи, о чём там кричат,
вопят за дверьми!

Федр. Так ясно же, о чём! Её он называет
поганой свахою, предавшей господина!

Хор Ах, бедная ты! Раскрыли тебя!
Где выход найти?
Всё явно теперь, и ты пропадёшь –
ах, горе! ай-ай! – родней предана!

Федр. Беду мою раскрыв, она меня убила!
Мой врач заботливый не справился с болезнью!

Хор И что теперь? Как быть, в ловушке оказавшись?

Федр. Я знаю лишь одно – скорей погибнуть надо,
в теперешней беде лишь это мне поможет!

Ип. О, мать моя, земля! О, благосветье солнца!
Что это за слова! Позор невыразимый!

Корм. Молчи, мой дорогой! Нас кто-нибудь услышит!

Ип. Я не могу молчать, коснувшись этой грязи!

Корм. Но я молю тебя рукой твоей прекрасной!

Ип. Прочь пальцы от меня! И пеплос мой не трогай!

Корм. Я у колен твоих! Ах, не губи! Помилуй!

Ип. О чём ты? Что за страх? Ведь ты сама невинность!

Корм. Мои слова, сынок, не всем предназначались!

Ип. Но всё хорошее на людях лучшим станет!

Корм. Дитя, не забывай! Ты сам же мне поклялся!

Ип. Поклялся мой язык, а ум хранил молчанье!

Корм. Сынок, что сделаешь? Своих друзей погубишь?

Ип. Да мне плевать на вас! Я не дружу с ворами!

Корм. Прости меня, родной! Никто не безупречен!

Ип. О, Зевс! Ты для чего фальшивых этих женщин,
отродье гиблое, под солнцем расселяешь?
Когда ты размышлял, как людям размножаться,
тебе не стоило рассчитывать на женщин,
но каждый человек пускай бы медь, железо,
обрезок золота носил к твоим кумирам
и получал дитя, какое сколько стоит,
и нёс его домой, чтоб там оно и жило,
руками женскими не тронутое вовсе!
Притом, беря жену, впуская в дом несчастье,
мы платим за него своими же деньгами!
Что женщины есть зло, мы ясно понимаем,
смотря, как их отцы приданое готовят,
от дочерей своих, как от чумы, спасаясь!
А муж, ведущий в дом чудовище такое,
ликует, остолоп, наряды надевая
на тело гадины, растрачивая средства
и кровное добро бездумно расточая!
Но так устроен мир. Когда приносит пользу
семья твоей жены, то горечь брака терпишь,
а если брак хорош, то родственников мерзких

терпеть приходится, смиряя добрым злое.
 Всем легче без жены. Тот сам себя накажет,
 кто в доме женщину поселит простодушно!
 Я ненавижу их! Мой дом закрыт для самок
 с умом просторнее, чем надобно природе!
 Злодейство большее Киприда порождает
 в таких вот умницах, а глупым щит – их глупость,
 и тугодумие спасает от разврата.
 В покои женские входить слуге не нужно,
 пусть бессловесные там звери обитают,
 с которыми нельзя ни словом обменяться,
 ни речь ответную на свой вопрос услышать!
 Но даже взаперти мутят злодейки воду
 и козни подлые служанкам поручают!
 И ты, паскудница, меня манить явилась
 в постель родителя, не тронутую скверной!
 Но я от слов твоих пойду отмою уши
 речными струями! Как я могу быть низким,
 когда и речь твоя мой чистый дух мараает?
 Но благостью моей ты, женщина, спасёшься!
 Когда б я не сглупил, богами не поклялся,
 то я про всё отцу, конечно, рассказал бы!
 А раз уж вышло так, то я уйду из дома,
 пока Тесея нет, и рот сомкну молчаньем.
 Но я приду с отцом и наблюдать я стану,
 как вы с хозяйкою в глаза ему глядите!
 Вкус дерзости твоей не скоро я забуду!
 Проклятье женщинам! Я не вмещу вовеки
 всей ненависти к вам! Пускай в укор мне ставят,
 что повторяюсь я! Во всех вас дышит скверна!
 Когда не можете облагородить женщин,
 то и не жалуйтесь, что я их принижаю!

- Федр. Горький удел! Брызжущий злом
 рок женщин земных!
 Уловкой какой и словом каким
 я узел греха смогу развязать?
 Удар справедлив! Ах, свет и земля!
 Как же я избегну судьбы?
 Как же боль, подруги, мне скрыть?
 Кто из богов поможет мне, кто из людей
 разделит со мной преступность мою?
 Страдания мои настолько сильны,
 что жизнь мою насквозь пронизали они!
 Я в женском роду несчастнее всех!
- Хор Всё прахом, госпожа! Не удалась уловка
 служанки пожилой! Ты слышишь? Плохо дело!
- Федр. Ах ты негодная! Губительница ближних!
 Что ты наделала! Пусть Зевс, мой прародитель,

твой корень выдернет, огнём тебя изжарит!
 Я говорила ведь, я ведь предупреждала,
 что нужно рот закрыть! И вот, я всем противна!
 Куда тебя несло? Теперь мне и в могилу
 не лечь порядочной! Мне новый выход нужен!
 Ведь этот человек, разгорячённый гневом,
 меня из-за тебя перед отцом ославит,
 Питфею старому подробно всё расскажет,
 наполнит всю страну гнуснейшими словами!
 Будь проклята и ты, и всякий, кто желает
 друзей своих губить навязанным усердьем!
 Ты, госпожа моя, клянёшь меня по праву,
 однако разум твой от горя помутился.
 Мне есть что возразить, а ты меня послушай.
 Тебя взрастила я, люблю тебя всем сердцем,
 однако не смогла найти тебе лекарство,
 а если бы нашла, ходила в мудрецах бы!
 Когда нам повезло, тогда наш ум и ценят.
 И это правильно, и этого довольно –
 мне душу растерзать, а после извиняться?
 Мы много говорим. Я не была разумной,
 но путь к спасению ещё остался, детка.
 И слышать не хочу! Советами своими
 ты столько зла уже наделать мне успела!
 Поди отсюда прочь и о себе заботься,
 а что до дел моих, я их сама устрою!
 Послушайте меня, достойные трезенки!
 Есть просьба у меня, а вы её уважьте –
 всё, что вы слышали, в молчании храните!
 Дочь Зевса чистая! Внемли мне, Артемида!
 Грех этой женщины я никогда не выдам!
 Прекрасно сказано! И вот что я добавлю:
 я знаю, как уйти от этого несчастья
 и жизнь достойную моим устроить детям,
 а заодно извлечь из катастрофы пользу.
 Я никогда свой дом не опозорю критский,
 в глазах Тесеевых я ни за что не стану
 злодейкой мерзкою, чтоб защитить кого-то!
 Необратимый шаг ты снова замышляешь?
 Да, умереть хочу. Но как – подумать надо.
 Эх, будь разумною! Федр. А ты советуй дело!
 Сегодня встретив смерть, я славную Киприду,
 губящую меня, порадую немало,
 навеки сражена ударом горькой страсти!
 Однако пасынку та смерть бедою станет,
 чтоб он над падшею не думал возноситься.
 Болезнь моей души со мною разделяя,
 пускай научится он быть благоразумным.

Хор
 Скрыться бы мне в недоступные ущелья,
 где я птицею крылатой
 полечу в пернатой стае,
 выполняя божью волю!
 Взвиться бы над морской волной,
 Адриатику смерить,
 Эридан охватить крылом,
 где несчастные девушки,
 плача по Фэнтону,
 в багровые воды льют капельки слёз,
 блистающие, как янтарь!

Вот бы достичь взморья с россыпями яблоч,
 края Гесперид певучих,
 где могучий повелитель
 многоцветной бездны моря
 путь уже не даёт судам,
 небо гранью священной,
 силой Атласа очертив,
 где ключи ароматные
 бьют у Зевсова ложа
 и счастье дарящая, божья земля
 блаженство бессмертных растит!

Белокрылое критское
 судно, по морю нёсшее,
 над бушующей бездной,
 из счастливого дома госпожу мою для брака,
 оказавшегося несчастьем! Были ведь знаки, когда
 от критских скал неслась она
 в прославленный афинский град,
 и, в порт Мунихия войдя,
 крепили моряки канат,
 витой, ведущий на высокий берег!

Ныне страсть нечестивая,
 Афродитой внушённая,
 разум твой разломала!
 Удручённая горем, с крыши брачного покоя
 ты удавку тугую спустишь, белую шею продев
 сквозь беспощадную петлю,
 стыдясь жестокой, злой судьбы
 и выбрав добрую молву,
 идущую вслед за тобой,
 взамен безумной, нестерпимой страсти!

Корм.
 (внутри)
 Боже мой! Боже мой!
 Эй, вы! Сюда, ко мне! Вы все, кто возле дома!
 Тесеева жена, хозяйка, удавилась!

Хор Увы, всё кончено! Царицы нет на свете!
Она висит в петле, качается под крышей!

Корм. Нельзя ли поспешить? Несите же скорее
двуострый нож сюда! Перерезайте узел!

Хор Что делать, милые? Бежать ли в дом, на помощь?
Снять узел с госпожи, затянутый на шее?
– Зачем? А молодой там разве нет прислуги?
Не безопасно нам вступать в дела чужие!

Корм. Бедняжку мёртвую скорее распрямите!
Забота горькая о доме господина!

Хор Я всё услышала! Несчастливая погибла!
Уже и труп её кладут и выпрямляют!

ТЕСЕЙ

Скажите, женщины, а по какой причине
стенанья тяжкие доносятся из дома?
Мне, как паломнику, ворот не растворили,
не вышли из дверей с приветом благодушным!
Не случилось ли чего со стариком Питфеем?
Хоть много он живёт, мне было бы печально
теперь прощаться с ним и отпускать из дома.

Хор Беда твоя, Тесей, относится не к старым,
но только к молодым. От них твои печали!

Тес. Ах, боже! Что с детьми? Детей лишили жизни?

Хор Нет, не детей, но мать! Вот боль тебе какая!

Тес. Ты что! Моя жена? Мертва? Да отчего же?

Хор Она удавкою себе стянула шею!

Тес. Несчастьем скована? Событием каким-то?

Хор Откуда же нам знать! Сама я лишь недавно,
Тесей, приехала, с тобою вместе плакать!

Тес. Ах, что же я ношу венки, из листьев свитый,
на голове моей? Ведь я сходил за горем!
Эй, слуги! Поскорей засовы отодвиньте,
раскройте двери мне! Там горькая картина!
Погибшая жена и муж, почти погибший!

Хор Ах ты, несчастная! Жертва жестоких бед!
Столько ты сделала,
что этот дом ты уничтожила совсем!
Ах, дерзкая ты,
привлékшая смерть в преступной борьбе,
поверженная своей же рукой!
Бедняжка, кто жизнь твою загубил?

Тес. Несчастье моё! Я, бедный, познал
горчайшую скорбь! Ах, злая судьба!
Как ты и на меня, и на мой дом низверглась
клеймом невидимым карающего бога!
Разрушено всё! Как жизнь-то прожить?
Такая в глазах пучина невзгод,

что мне, злосчастному, не выбраться на берег
и волн бушующих никак не пересилить!
Где слово найти, чтоб им называть
жестокий твой рок, супруга моя?
Из этих рук моих, как птица, ты вспорхнула
и понеслась в Аид стремительным усильем!
Ай-ай! Ай-ай-ай! Беда-то! Беда!
За предков моих, за чей-нибудь грех,
свершённый давно, теперь я плачú
по воле богов!

Хор Не одному тебе явилось это горе,
но многим, господин, пришлось терять любимых!

Тес. Погибнуть хочу! Под землю, во тьму
отправляюсь я жить! Ах, что за беда!
Нет больше у меня любимейшей подруги!
Ты не себя, жена – меня ты погубила!
Откуда, скажи, губительный рок
низвергся, любовь, на сердце твоё?
Кто мне расскажет всё? Напрасно ли держу я
толпу прислужников под этой кровлей царской?
Ты смертью своей убила меня!
Я, бедный, смотрю, как страждет наш дом!
Того не выдержать, не высказать! Я гибну!
Дворец мой опустел, осиротели дети!
Ай-ай! Ай-ай-ай! Ушла ты, ушла!
Любимейшая! Какая из жён
сравнится с тобой в сиянии дня
и в звёздной ночи?

Хор Ах, несчастный! Как дом твой сотрясло!
Я плачу, смотря на долю твою!
Стою вся в слезах!
Давно я дрожу в предчувствии бед!

Тес. А! А!
Что за табличка там, в руке жены любимой
зажата? Что за весть? Какое сообщенье?
О браке ли моём, о детях ли бедняжка
письмо составила? Какая-нибудь просьба?
Не бойся, милая! Ни на постель Тесея
нет входа женщинам, ни в дом его печальный!
И оттиск вижу я от золотого перстня,
принадлежавшего жене моей покойной!
Сломаю я печать и разорву верёвку,
пусть говорит письмо, о чём сказать желает!

Хор Ах, что за напасть! Вслед старой беде
бог новую шлёт! Безжизненна жизнь!
Чего ещё ждать от этой судьбы?

Господский дворец разрушен совсем!
 Увы! Это всё, что можно сказать!
 О, бог! Возможно ли оставить дом в покое?
 Услышь мою мольбу! Я, как птицагадатель,
 смотрю на бедствие, летящее по небу!

Тес. Ах, новая беда теперь примкнула к старой!
 Как выдержать её? Как высказать? Пропал я!

Хор Что за беда? Скажи! Ты можешь мне поведать?

Тес. Кричит, кричит письмо про грех невыносимый!
 Как сбросить бремя зла? Погиб я совершенно,
 бедный человек, лишь услышал я
 мелодию строк!

Хор Ай-ай! Ты выявил зачинщика всех бедствий!
 Тес. Не стану держать за створками уст
 слова о таком безвыходном зле!
 О, город родной!
 Послушай! Ипполит на брак мой поднял руку,
 над оком Зевсовым бесстыдно надругался!
 Отец мой! Посейдон! Ты три моих проклятья
 исполнить обещал! Одно из них низвергни
 на сына моего! И если дышит сила
 в твоих проклятиях, пусть он умрёт сегодня!

Хор Не надо, господин! Покайся пред богами!
 Ты пожалеешь ведь! Но, право, будет поздно!

Тес. Нет! Более того, пусть он уйдёт из царства
 встречать свою судьбу, одну из двух возможных!
 Пусть мудрый Посейдон отправит в дом Аидов
 его, умершего, почтив мои молитвы,
 а если будет жить, да станет он изгоем
 и горький век влачит, в чужих краях скитаясь!

Хор А вот как раз твой сын, твой Ипполит, явился!
 Властитель наш, Тесей! Не поддавайся гневу!
 Ты о семье своей, о благе дома думай!

Ип. Я прибежал, отец, твой громкий крик услышав,
 но не могу понять, зачем ты так стенаешь,
 хотел бы от тебя причину я услышать.
 О, господи! Отец! Как так? Твою супругу
 я вижу мёртвую! Неслыханное дело!
 Я только что был с ней! Она совсем недавно
 дышала, и жила, и видела свет солнца!
 Что с ней произошло? Как бедная погибла?
 Отец, ответь же мне! Я требую ответа!
 Молчишь? Но как молчать? Смотри, какое горе!
 Когда и в гуще бед всё знать желает сердце,
 то поделом его за жадность порицают!
 Отец, и от друзей нехорошо таиться,
 а уж тем более от родственников кровных!

Тес. О, люди грешные, рабы своих ошибок!
 Зачем вы учите бесчисленным ремёслам,
 изобретаете чего-то там, мудрите,

- а не умеете понять своим рассудком,
как полных дураков учить благоразумью!
- Ип. Сейчас ты говоришь о мудреце великом,
способном пробуждать безумье к разуменью.
Но речи тонкие, отец, теперь не к месту,
боюсь я, что беда язык твой раздражила!
- Тес. Ах, смертным надобно найти какой-то способ,
как различать друзей и считывать их мысли,
чтоб знать, кто правда друг, а кто рядится в друга,
и нужно чтобы все два голоса имели,
один для истины, другой для остального,
и нужно, чтобы ложь мгновенно обличалась
правдивым голосом, храня нас от ошибок!
- Ип. Неужто некий друг твоё наполнил ухо
наветом на меня, хоть я и не виновен?
Я просто потрясён! Твои слова безумны,
не чувствуется в них и тени рассужденья!
- Тес. Чем ты не брезгаешь, рассудок человеческий?
Докуда не дойдёт и грязь твоя, и наглость?
И если человек становится всё хуже,
и поколения, сменяясь, нас уводят
к полнейшей подлости, тогда богам придётся
с привычной нам землёй соединить другую,
чтоб разместить на ней злодеев и подонков!
Вот! Полюбуйтесь им! Мой сын единокровный
на брак мой посягнул, но мёртвою женою
был тут же выставлен во всём своём уродстве!
В лицо отцу смотри! Теперь уже неважно,
где ты находишься. Мне скверны не избегнуть.
Ты корчишь из себя возвышенного мужа,
товарища богов? Ах, чистота! Ах, мудрость!
Но похвальбы твои не так неоспоримы,
чтоб я в безумии почёл богов глупцами!
Давай, кичись, гордись! Растительною пищей
желудок набивай, Орфею поклоняйся,
скачи с вакханками, читай рулоны дури!
Попался ты, дружок! От этаких людишек
бегите со всех ног! Они нас уловляют
велеречивостью, а замышляют низость!
Смотри! Она мертва! Ты мнишь, ты этим спасся?
Ты этим уличён всего сильнее, мерзавец!
Какими клятвами, какими словесами
ты обвинение погибшей опровергнешь?
Мол, как внебрачный сын, ты был ей ненавистен?
Мол, у чужих детей всегда война с родными?
Ты назовёшь её плохой торговкой жизнью,
продавшей лучшее, чтоб недруга ужалить?
Соврёшь ты, что разврат не свойственен мужчинам,
а женщинам присущ? Я знаю, что и парни
не больше девушек защищены от страсти,

когда их юный ум Киприда растрясает,
 а пол их мужеский им служит оправданьем!
 Да нужно ль затевать с тобою эту тяжбу
 имея мёртвую свидетельницей лучшей?
 В изгнание! Сей же час! Покинь державу эту!
 Ни в богозданные не смей ходить Афины
 и ни в единый край, где я копьё поставил!
 Ведь если я стерплю такое унижение,
 не будет ли тогда Синид истмийский вправе
 сказать, что я солгал и не убил злодея?
 И скал Скироновых, спускающихся к морю,
 не стихнут ли слова, что я суров к негодным?
 Хор Как знать, найдутся ли счастливыцы в мире смертных?
 Всё благородное взлетает, чтобы падать!
 Ип. Отец, твой жаркий гнев и натяжение мыслей
 поистине страшны. Но если с них обёртку
 разумных слов сорвать, ума там не увидишь.
 С толпою речь вести я, право, не обучен,
 я лучше говорю для сверстников немногих,
 и это правильно. Кто мямлит с мудрецами,
 тот соловьём поёт в кругу себе подобных.
 Однако должен я, когда пришло несчастье,
 поупражнять язык. Сначала я разрушу
 твой первый аргумент, мне гибель присудивший,
 не дав и возразить. Ты видишь эту землю,
 ты видишь этот свет. Хотя бы с неохотой,
 но всё-таки признай: кто тут меня безгрешней?
 Во-первых, знаю я, как почитать бессмертных,
 в друзья беру лишь тех, кто не силён в злодействе,
 кто постыдился бы советовать дурное
 и делать мерзости просящим о поддержке.
 Я не смеюсь, отец, над теми, с кем общаюсь,
 и равно чту друзей, и близких, и далёких,
 не тронут я и тем, чем ты меня тут ловишь,
 по этот самый день я страстью не запятнан.
 Об этом деле я лишь по рассказам знаю,
 по вазам красочным, но нет во мне желанья
 на это всё смотреть. Я девственен душою.
 Но чистоту мою не признаёшь ты. Ладно!
 Ты всё же покажи, чем был я так испорчен!
 Быть может, красотой жена твоя затмила
 всех женщин в городе? А, может, я стремился
 твой дом прибрать к рукам через твою супругу?
 Я был бы дураком! Нет, полным идиотом!
 Ты полагаешь, власть приятна умным людям?
 Никоим образом! Она с ума сводила
 всех, кто без памяти в монархию влюблялся!
 Я в играх эллинских желаю быть сильнейшим,
 но хватит в городе мне и второго места,
 чтоб жить и процветать с достойными друзьями!

Для действий есть простор, отсутствие же риска сильнее радует, чем прелесть высшей власти. Вот, всё услышал ты. Один остался довод. Когда бы за меня свидетель поручился на разбирательстве с твоей женой, живою, ты смог бы выявить злодеев настоящих! Но Зевсом, богом клятв, и всей земною твердью клянусь, что никогда жену твою не трогал, и не мечтал о том, и даже и не думал! Пускай погибну я, бесславно, безымянно, без дома, города, бродягой на чужбине, пускай мой хладный труп и вся земля отвергнет, и море, если я содеял преступленье! Кто напугал её, толкнув к самоубийству, не понимаю я, и рассуждать не вправе. Недобродетельной открылась добродетель, а я имел её, не зная, что с ней делать.

Хор Ты убедительно провёл свою защиту. Богами клялся ты, а это ведь не шутка!

Тес. Ну не колдун ли он, не мастер заклинаний? Невозмутимостью он хочет пересилить изгаженную им родительскую душу!

Ип. Тому же и в тебе, отец, я поражаюсь! Когда б ты сыном был, а я отцом являлся, то я б тебя убил, а не карал изгнанием, за то, что ты посмел жены моей коснуться!

Тес. Ты весь в таких словах! Но ты не примешь смерти по установленным тобою же законам, ведь легче лёгкого в Аид сбежать от бедствий! Нет-нет! Изгнанником ты родину покинешь и век свой проведёшь, тоскуя в странах чуждых! Вот справедливая отплата нечестивцу!

Ип. А! Что ты делаешь! Ты не назначишь срока на разбирательство? Так сразу и в изгнание?

Тес. Туда, за самый Понт, за океан Атланта, как можно далее! Твой облик мне противен!

Ип. Не слыша клятв моих, не расспросив провидцев, меня ты без суда и следствия прогонишь?

Тес. Письмо моей жены без всяких там гаданий вершит свой верный суд! А стаям птиц, летящим над головой моей, привет и до свиданья!

Ип. О, боги! Почему я рта не раскрываю, ведь из почтения к вам я гибну совершенно! Нет! Не удастся мне отвергнуть обвиненья, я только попусту свою нарушу клятву.

Тес. Твоя напыщенность меня сведёт в могилу! Не соизволишь ли убраться прочь из дома?

Ип. Какое бедствие! Куда же мне податься? Кто дом откроет мне, когда я так ославлен?

Тес. Кто рад развратника пустить к своей супруге

- Ип. и дом свой поручить заботам извращенца!
Ты сердце мне пронзил! Как тут не разрыдаться,
когда в твоих глазах я стал таким злодеем!
- Тес. И думать, и стонать чуть раньше надо было,
когда жену отца ты совратить пытался!
- Ип. Ах, дом! Как я хочу, чтоб ты сказал хоть слово
и обвинения в злодействе опровергнул!
- Тес. Как умно выбрал ты свидетелей безгласных,
но дело и без слов тебя изобличает!
- Ип. О, боже!
Разъединиться бы и на себя взглянуть бы,
чтоб горести свои со стороны оплакать!
- Тес. Ты самому себе чрезмерно поклонялся,
а стоило отца немножечко уважить!
- Ип. Ах, мать несчастная! Ах, горькое рожденье!
Да ни один мой друг внебрачностью не страждет!
- Тес. Эй, слуги! Гнать его! Вы разве не слышали,
как я негоднику провозгласил изгнание?
- Ип. Прочь руки от меня, а то рыдать начнёте!
А ты гони меня! Ты сам замыслил это!
- Тес. Я так и сделаю! Приказа, вижу, мало!
И участью твоей нисколько я не тронут!
- Ип. Похоже, решено. Несчастье-то какое!
Я знаю обо всём, а рассказать не смею!
О, дочь Латонова, любимая богиня,
сопутница охот, подруга! Я покину
Афины славные! Прощай, родимый город
и Эрехтеев край! Трезенская равнина,
где юностью цвести такое наслажденье,
прощай! В последний раз к тебе я обращаюсь!
Вы, земляки мои, товарищи! Пойдёмте!
Беседуйте со мной, в путь долгий проводите!
Разумнее меня вам никого не встретить,
хотя родитель мой так вовсе не считает!

СЛУГИ

- Сильно заботы богов, как подумаешь, нам облегчают
страдания! В это я верю всем сердцем, но всё же
вижу с отчаяньем злую судьбу и деяния смертных.
Туда-сюда люди скитаются и проводят свой век быстротечный
в бессмысленных блужданиях!
- Хор Как я хочу, чтобы боги в ответ на молитвы мне дали
везение, счастье и сердце без примеси боли,
мысли без непримиримости, но без фальшивого лоска.
Я так хочу, следуя разумом за капризным течением жизни,
снискать судьбу счастливую!
- Сл. Блекнет прозрачность ума, нет свершения нашей надежде!
Мы видели, мы видели, как звезда и Афин, и Эллады,
самая светлая, в чуждые страны

бежит от гневного отца!
 О, городское песчаное взморье!
 О, горный лес, где он травил
 зверя проворными псами, бок о бок
 с Диктинной благодатною!

Хор Больше тебе не скакать на венецких конях, в колеснице,
 и не описывать круги, озирая гимнасий лимнийский,
 муза бессонная струн твоих лирных
 в отцовском доме замолчит!
 И без венков дочь Латонова будет
 празднo лежать в гуще лесной!
 Этим изгнанием закончатся споры
 невест о браке царственном!

Но я в слезах жизнь проведу,
 бездольную долю твою
 с тобой деля. Бедная мать,
 рожала ты тщетно! Увы!
 Как гневаюсь я на богов!
 Что за напасть!
 Вестницы брака, Хариты! Что же из отчего края
 вы юношу невинного
 гоните в даль бездомную?

Но вижу я слугу из свиты Ипполита!
 Темнее тучи он! И как несётся к дому!

ВЕСТНИК

Скажите, женщины, а где сейчас Тесей,
 правитель этих мест? Вы знаете, быть может?
 Тогда ответьте мне! Он здесь, в своём дворце?

Хор Да вот он, посмотри! Выходит из покoев!

Вест. Тесей, я весть несу, достойную забот
 и самого тебя, и всех афинских граждан,
 и обитателей трезенских областей!

Тес. А что произошло? Ещё одно несчастье
 на долю наших двух соседствующих стран?

Вест. Погиб твой Ипполит! Вернее, погибает!
 Ещё он видит свет, но рвётся волосок!

Тес. Кто это сотворил? Не враг ли, чьей супругой,
 как и женой отца, он силой овладел?

Вест. Нет, упряжь конная, проклятья уст отцовых
 и господин морей, твой собственный отец,
 которого ты звал, озлобившись на сына!

Тес. О, боги! Ты и впрямь отец мне, Посейдон,
 раз ты прислушался к моей молитве горькой!
 Как он погиб? Скажи! Как был тот лиходея
 настигнут палицей предвечного Закона?

Вест. У взморья были мы, разбитого волной,

там гривы лошадей чесали мы скребками,
рыдая горестно. Гонец принёс нам весть,
что путь на родину заказан Ипполиту
и что его теперь кошмар изгнания ждёт.
Пришёл и господин, мелодией рыданий,
как мы, будя пески, а с ним без счёту слуг,
толпа товарищей, ровесников собранье.
Он долго сетовал и, наконец, сказал:
«Зачем я так скорблю? Приказ отца священен.
Эй, слуги! Впрячь коней! И колесницу мне
подайте поскорей! Мой город стал чужбиной!»
Забегали тут все и подвели коней,
готовых, в упряжи, по воле господина,
быстрее, чем о том ты смог бы рассказать.
С перил он вожжи снял, руками натянул их,
ногами ловкими вскочил на передок
и так сказал богам, ладони воздевая:
«Зевс! Если я злодей, то пусть я пропаду!
И пусть отец поймёт, как он меня бесчестит,
неважно, мёртв ли я, взираю ли на свет!»
Потом стрекало взял, кольнул одним движеньем
обеих лошадей. Мы, слуги, рядом шли,
касаясь упряжи, у самой колесницы,
держа и к Аргосу, и к Эпидавр у путь.
Когда к пустынной мы равнине подходили,
то мыс увидели, границу здешних мест,
где начинается залив уже Саронский.
Вдруг шум из-под земли, как Зевсов гром, пошёл,
тяжёлый, тягостный, в смятенье нас повергший.
Задрали головы и уши к небесам
в испуге лошади, а мы, дрожа, гадали,
откуда этот звук. Взглянув на гулкий берег,
мы там увидели восставшую до неба
гигантскую волну. Она у глаз моих
уже отобрала Скироново побережье,
дугу Истмийскую, Асклепьеву скалу!
И вздулась та волна, и, пеной растекаясь,
толкаемая всей пучиною морской,
к побережью подошла, к проворной колеснице.
И в этом грохоте, в уже тройном валу,
явился мощный бык, свирепое исчадьё!
И вся земля, вобрав его ужасный крик,
встряслась, откликнулась! И бык тот нам, смотрящим,
ещё чудовищней казался, чем он был.
На четверню нашёл невыносимый ужас,
однако господин, в повадках лошадей
немало искушён, руками вожжи стиснул
и, как моряк весло, к себе их начал влечь,
откинулся назад и натянул поводья.
Но, огнеродные кусая удила,

лихие лошади, ни ладной колесницы,
 ни хватки кормчегоне чуя, ни вожжей,
 несутся во всю прыть! Когда же к мягкой суше
 он путь свой направлял, орудуя веслом,
 бык прыгал перед ним, гоня его обратно,
 вселяя дикий страх в две пары лошадей.
 Пока они неслись на скалы иступлённо,
 безмолвно бык бежал, в перила тычась лбом,
 но вот встряхнул, сломал и опрокинул кузов
 и обод колеса о камень раздробил!
 Всё шиблось, понеслось! Взлетели втулки, спицы,
 колки, державшие окружности колёс,
 а бедный юноша, запутавшись в поводьях,
 кругом обвязанный, влачится по земле,
 и голову свою о камни разбивает,
 растерзывает плоть, и слышен жуткий крик:
 «Постойте, милые! Питомцы яслей кровных!
 Не рушите жизнь мою! Ах, горький гнев отца!
 Кто может вызволить первейшего из смертных?»
 Но многие из нас, не в силах так бежать,
 остались позади. Освободившись, впрочем,
 от нарезных ремней, я сам не знаю, как,
 он, бедный, падает, ещё дыша немного,
 а кони скрылись прочь, и с ними страшный зверь,
 в неведомой дали, среди утёсов тёмных.
 Я раб в твоём доме, великий господин,
 но не поверю я, пускай мне представляют
 любые доводы, что сын твой был плохим.
 Пускай весь женский род в петлю засунет шею
 и весь идейский лес на письма изведёт,
 я всё же заявлю, что сын твой благоденствен!
 Ай-ай! Слились в одно потоки новых бед!
 Никак не обмануть судьбу и неизбежность!
 Тес. Питая ненависть к тому, кто пострадал,
 я слушал радостно. Теперь же пред богами,
 пред сыном стыдно мне, и я не нахожу
 в себе ни радости, ни скорби в этом горе.
 Вест. Так что? Нести его? Что нужно делать нам
 с несчастным юношей, чтоб дух твой усладился?
 Решай. Но если ты приемлешь мой совет,
 не будь безжалостен с твоим страдальцем-сыном!
 Тес. Несите же его, чтоб я лицом к лицу
 и речью обличил, и фактом божьей кары
 лжеца, решившего на брак мой посягнуть!
 Хор Негибкий костяк людей и богов
 Киприда, ты гнёшь,
 а пёстрый бог уловляет его
 быстрейшим крылом,
 носясь над землёй и терпкой, густой

пучиною вод.
 Чарует Эрот буйные наши сердца,
 хлестая по ним пером золотым,
 и горных зверей, и чудищ морских,
 и тварей земли,
 и тех, кто живёт под оком небес,
 и смертных людей. Правишь ты всеми, Киприда,
 самодержною властью своей!

АРТЕМИДА

Славный отпрыск Эгея, послушай теперь,
 что тебе я скажу,
 Артемида-богиня, Латонова дочь!
 Почему ты ликуешь, бездольный Тесей,
 беспорочного сына безбожно убив
 по навету своей криводушной жены?
 Ложь правдивое горе тебе родила!
 Почему от стыда не провалишься ты
 в недра чёрной земли?
 Почему, превратившись в пернатую тварь,
 не вспорхнёшь и не скроешься прочь от беды?
 Ты пойми, что тебе не осталось уже
 доли в жизни, достойной хороших людей!

Теперь услышь, Тесей, насколько ты несчастен.
 Рассказ мой принесёт лишь большее страданье.
 Но я пришла сюда представить в должном свете
 дух сына твоего, чтоб умер он со славой,
 и страсть жены твоей, удержанную неким
 зерном достоинства. Уколота жалом
 богини пакостной, до девственников падкой,
 та к сыну твоему желаньем воспылала
 и, слясь победить умом своим Киприду,
 была погублена кормилицей, связавшей
 молчаньем юношу и тот недуг раскрывшей.
 Он, как и следует, приманкой не прельстился
 и, обвинён тобой в намеренном злодействе,
 достойный человек, не отступил от клятвы.
 А эта женщина, боясь быть уличённой,
 на сына твоего накликала проклятье
 письмом неискренним, да и сама погибла.

Тес.

Ах, боги!

Ар.

Как мой рассказ, Тесей? Кусается? Ни слова!
 Дослушай до конца, чтоб громче застоналось!
 Отец твой обещал тебе три клятвы, помнишь?
 Одну из них, злодей, ты неразумно бросил
 на сына своего, а мог врага прикончить!
 Родитель твой морской, к тебе приязнь питая,
 тебе пожаловал обещанный подарок.
 Но мы с ним поняли, насколько ты негоден!

Не ждал ты ни улик, ни гóлоса провидцев,
 сам не проверил всё, не отложил на время
 решение своё, но принялся скорее
 метать проклятия – и сына уничтожил!

Тес. Бей в сердце, госпожа! Ар. Ты поступил ужасно,
 однако есть ещё надежда на прощенье,
 ведь эти бедствия устроила Киприда,
 пылая бешенством. А боги соблюдают
 всегда такой закон – делам другого бога
 не противостоять и воле не перечить.
 Пойми, что если бы я Зевса не боялась,
 то и не знала бы такого униженья –
 позволить умереть тому, кто был мне ближе
 всех жителей земли! Во-первых, твой проступок
 слегка смягчается непониманьем дела,
 притом жена твоя избегла всех расспросов,
 доверие к себе скрепив самоубийством.
 Тебя сильней других несчастья подкосили,
 но мучаюсь и я. Богов не улаживает
 смерть праведных людей. Нам только негодяев
 отрадно сокрушать, и дом их, и потомство.

Хор Вон подходит царевич несчастный.
 Тело юное, светлые кудри –
 всё истерзано! Дом наш бездольный!
 Что за горе двойное свалилось
 на тебя по велению неба!

Ип. Ай-ай! Ай-ай!
 Как же мучаюсь я! Мой неправый отец
 предреченьем неправым разрушил мне жизнь!
 Я пропал совершенно! Ах, боже ты мой!
 Как стреляет и ломит моя голова!
 Как от судорог резких сжимается мозг!
 Как устал я! Ну что ж... Постою, отдышусь.
 Э! Э!
 Ненавистные кони, питомцы мои,
 я ведь выкормил вас!
 Вы стоптали меня, погубили меня!
 Что за горе! Эй, слуги! Богами молно,
 осторожней касайтесь пылающих ран!
 Кто там справа стоит? Поднимайте меня,
 поднатужьтесь, заботливы будьте со мной,
 жертвой страшных ошибок, свершённых отцом!
 Зевс, ты видишь ли это? Ответствуй мне, Зевс!
 Вот я, набожный, полный почтения к богам,
 всех на свете своим благочестьем затмив,
 навсегда ухожу в неизбежный Аид!
 Всё пропало! Я тщетно трудился всю жизнь,
 уваженья к себе
 ожидая от скопища смертных людей!

Ай-ай! Ай-ай!
 Как мне всё-таки больно, как больно-то мне!
 Отпустите меня!
 Пусть же явится смерть и меня исцелит!
 Уничтожьте несчастного, режьте меня!
 Как прошу я удара двуострым копьем,
 чтобы спать уложить,
 вечным сном упокоить постылую жизнь!
 О, проклятье отца! Ты сгубило меня!
 Когда-то пролитая кровь,
 злодейство родичей моих
 выходит из своих границ
 и не медлит уже!
 Судьба напала на меня!
 Зачем же? В чём я виноват?
 Ах, боже мой!
 Что тут сказать? Как удалить
 из жизни эту боль мою,
 как исцелиться от беды?
 Ах, если б усыпил меня
 в своих объятьях чёрный рок
 и скрыл Аидовою тьмой!

Ар. Ты, бедный, сопряжён с таким большим несчастьем!
 Твой благородный ум тебя же уничтожил!
 Ипп. А!
 Дыханье божества! И даже в горьком горе
 я ощутил тебя, и мне полегче стало!
 Сюда, ко мне пришла богиня Артемида!
 Ар. Да, бедный мой! Пришла любимая богиня!
 Ипп. Ты видишь, госпожа, как тяжко я страдаю?
 Ар. Да, вижу. Но рыдать бессмертным не пристало.
 Ипп. Пропал охотник твой! Пропал слуга твой верный!
 Ар. Пропал, но ты любим и на пороге смерти.
 Ипп. Погиб возница твой! Погиб хранитель статуй!
 Ар. Так всё задумала коварная Киприда.
 Ипп. Я знаю, кто мой враг и кем я уничтожен!
 Ар. Богиню ты не чтил и воздержаньем гневал.
 Ипп. И вот она одна три жизни погубила!
 Ар. Тебя с твоим отцом, да и жену отцову.
 Ипп. Как жалко мне отца, погрязшего в несчастьях!
 Ар. Да, в сети божества он так легко попался!
 Ипп. Злосчастный мой отец, ты весь истерзан горем!
 Тес. Я уничтожен, сын, и нет мне света в жизни!
 Ипп. Сильнее, чем себя, мне жаль тебя, отец мой!
 Тес. Хотел бы я, мой сын, взамен тебя погибнуть!
 Ипп. Отец твой, Посейдон, нас одарил страданьем!
 Тес. Ах, если б этот дар я не просил у бога!
 Ипп. Ты так разгневался, что ты меня убил бы!

- Тес. Да, боги у меня весь разум отобрали!
- Ипп. Как плохо мне!
Зачем не в силах мы проклясть богов казнящих!
- Ар. Оставьте это всё. Но ты во тьме подземной
не будешь неотмщён за тяжкий гнев Киприды,
который на тебя обрушился смертельно
за твой похвальный ум и почитанье блага.
Я собственной рукой сражу того, кто ныне
богиней любим сильнее всех на свете,
потоком стрел моих, летучих, неизбежных!
Тебе же, бедный мой, за всё твоё страданье
большие почести в трезенском этом граде
я дам. Пусть девушки, до заключения брака,
срезают локоны в твоё поминовенье,
и плод их горьких слёз вкушать ты будешь долго.
Пусть девушки тебе слагают неустанно
напевы скорбные, не обходя молчаньем
и Федру бедную, с её любовью тяжкой.
Теперь скажу тебе, сын старого Эгея.
Ты к сыну подойди, сожми его в объятьях.
Ты по неведенью толкнул его на гибель.
Когда захочет бог, злодеем станет всякий.
Отца же, Ипполит, не нужно ненавидеть,
велением судьбы ты жизнь свою кончаешь.
Прощай! Негоже мне смотреть на умиранье
и замутнять мой взор хрипением предсмертным,
а ты, как погляжу, к такому горю близок.
- Ипп. Прощай и в добрый путь, блаженнейшая дева!
Легко уходишь ты от нашей долгой дружбы.
Конец вражде с отцом, когда ты так желаешь,
тебе и раньше я во всём повиновался.
Теперь мне на глаза кромешный мрак нисходит.
Приди ко мне, отец, и помоги встать ровно.
- Тес. Сынок, что ты творишь с отцом твоим несчастным?
- Ипп. Я гибну и уже врата умерших вижу.
- Тес. И руку ты мою оставишь нечестивой?
- Ипп. Нисколько. Я тебя очистил от убийства.
- Тес. Что говоришь ты, сын? Избавлен я от крови?
- Ипп. Стрелосмиряющей клянусь я Артемидой!
- Тес. Мой драгоценный сын! О, как ты благороден!
- Ипп. Прощай и ты, отец! Прощай теперь надолго!
- Тес. Что за прекрасный дух! Благочестивый, добрый!
- Ипп. Молись, чтоб ты имел таких детей законных!
- Тес. Ты не бросай меня! Держись, мой сын любимый!
- Ипп. Держаться нет уж сил! Отец, я умираю!
Накрой же пеплосом лицо моё! Скорее!
- Тес. Афинский славный край! Владения Паллады!
Кем вы оставлены! Какой же я несчастный!
Киприда, зло твоё всю жизнь я помнить буду!

Хор Как всех граждан теперь поразило
 этим горем неожиданным!
 Вновь и вновь будут слёзы струиться,
 потому что страдания героев
 остаются в легендах навеки!

16.10.2017–16.07.2018, Брисбен, Москва, Амударя (Крит), Екатеринбург, Москва